

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ст. 185 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В отличие от уголовных законов ряда зарубежных государств Уголовный кодекс Республики Беларусь в главе о преступлениях против личной свободы предусматривает общую норму об ответственности за принуждение (ст. 185 УК), наличие которой позволяет обеспечивать защиту не только физической свободы человека, но и свободы его волеизъявления, придавая тем самым мерам уголовно-правовой охраны личной свободы системный и логически завершенный характер. Следует отметить, что закрепление общей нормы о принуждении имеет важное превентивное значение, поскольку, как известно, в законе невозможно предусмотреть все случаи принуждения, которые встречаются на практике или которые могут возникнуть в любой сфере человеческой деятельности.

Особое значение преступления, предусмотренного ст. 185 УК, предопределяется и его местом в системе преступлений против личной свободы. Наряду с незаконным лишением свободы (ст. 183 УК) принуждение составляет основу формирования данной системы, так как признаки его объективной стороны так или иначе отражаются в признаках иных посягательств на свободу человека – в признаках деяния либо содержании способа, обеспечивающего исполнение соответствующего деяния.

Признавая рациональность законодательного подхода в части закрепления общей нормы о принуждении, следует тем не менее обратить внимание на существующие недостатки формулирования данной нормы.

Во-первых, для характеристики сущности принуждения законодатель воспроизводит в диспозиции ст. 185 УК название самого преступления, что с точки зрения юридической техники не вполне приемлемо. Для сравнения: некоторые зарубежные законодатели сущность действия в составе принуждения раскрывают посредством указания на незаконное ограничение свободы деяний лица (например, ст. 150 УК Грузии). Как представляется, подобный законодательный подход с формальной точки зрения более оправдан, хотя также не лишен недостатков. Любое преступление против личной свободы так или иначе ограничивает свободу деяний человека, в связи с чем подобное указание не позволяет индивидуализировать принуждение с объективной стороны и, соответственно, не имеет практической ценности.

С нашей точки зрения более приемлемым для единообразного понимания (как на обыденном, так и на профессиональном уровне) и применения уголовного закона (ст. 185 УК) является прием, использованный законодателем для описания характера действия в составе вымогательства (ч. 1 ст. 208 УК). Указание в норме закона на требование передачи имущества, права на имущество либо совершения каких-либо действий имущественного характера, подкрепленное угрозой, как нельзя лучше раскрывает названный состав преступления с внешней (объективной) стороны. Учитывая то обстоятельство, что вымогательство является видовым составом принуждения, не совсем понятно, почему законодатель не использовал данный прием при характеристике объективной стороны родового состава соответствующего посягательства, который должен отражать сущностные признаки незаконного принуждения потерпевшего к любому противоречащему его волеизъявлению поведению и, соответственно, в контексте которого должны трактоваться признаки принуждения в специальных (видовых) составах.

Во-вторых, безусловно, несомненным достоинством законодательного определения признаков объективной стороны состава принуждения является конкретизация в диспозиции ст. 185 УК форм психического насилия, т. е. видов угроз как способа подавления свободы волеизъявления потерпевшего. Вместе с тем анализ положений закона в части описания способа принуждения позволяет сделать вывод о том, что законодатель криминализировал угрозу только неправомерными действиями. Такой подход действительно имеет социальные основания. Как показывает изучение материалов уголовных дел по фактам принуждения, наиболее распространенными формами психического насилия при ограничении свободы волеизъявления потерпевшего являются угроза применения физического насилия и угроза уничтожения или повреждения имущества потерпевшего. Вместе с тем, как представляется, не менее эффективным способом ограничения свободы формирования волевого решения потерпевшего может стать и угроза правомерными действиями. Неслучайно некоторые зарубежные законодатели при описании способа принуждения отдельно указывают на угрозу обвинения потерпевшего (ч. 2 § 260 УК Дании), угрозу заявления о совершении им уголовно наказуемого преступления (ч. 2 § 222 УК Норвегии) и т. д. Поскольку в практическом отношении применение подобных форм психического насилия не является распространенным способом принуждения потерпевшего к определенному варианту поведения, полное заимствование зарубежного опыта в данной области представляется нецелесообразным. В то же время с точки зрения оптимизации превентивной функции ст. 185 УК полагаем возможным исключить в формулировке такого вида угрозы, как угроза ущемления прав, свобод и законных интересов, указание на законный характер последних. Тем самым действие ст. 185 УК будет распространяться и на случаи незаконного принуждения, когда способом такового является угроза ущемления тех интересов потерпевшего, которые находятся вне сферы правовой охраны. Такой подход, с нашей точки зрения, является более оправданным, поскольку в вопросах криминализации и квалификации принуждения основной акцент должен быть сделан на реальность угрозы, ее направленность на изменение поведения потерпевшего и на содержание требований виновного лица.

В-третьих, как известно, общественную опасность принуждения в качестве преступления против личной свободы человека определяет его цель – подавление свободы волеизъявления потерпевшего с тем, чтобы стимулировать с его стороны ответные действия, необходимые преступнику. Именно в контексте данной цели должны формулироваться возможные способы ограничения свободы волеизъявления в составе принуждения. Согласно ст. 185 УК в качестве способа принуждения законодатель определил исключительно психическое насилие, реализуемое в различных вариантах угроз. Подобное законодательное решение, на наш взгляд, не в полном объеме отражает юридическую природу принуждения. При подавлении свободы волеизъявления потерпевшего виновное лицо может использовать физическое насилие, которое с позиции психологии преступника является более действенным средством воздействия, чем психическое насилие.

Кроме того, специальные нормы об ответственности за отдельные виды принуждения предусматривают применение физического насилия либо в качестве альтернативного угрозе способа принуждения (например, принуждение к забастовке или отказу от участия в ней (ст. 200 УК), либо как основание повышения ответственности за принуждение (ч. 2 ст. 163 УК и др.). В теории уголовного права относительно соотношения общих и специальных норм доминирует мнение о том, что специальная норма должна обладать всеми признаками общей нормы и конкретизировать один или несколько родовых признаков. В рассматриваемом аспекте законодательная формулировка общей нормы, предусматривающей ответственность за принуждение, выглядит, по крайней мере, непоследовательной.

Наличие социальных оснований для криминализации и необходимость строгого учета логических правил юридической техники позволяют говорить о целесообразности дополнения ст. 185 УК ч. 2 следующего содержания: «То же действие, совершенное с применением насилия». Характерно, что по пути криминализации принуждения, совершаемого как путем угроз, так и посредством применения физического насилия, как правило, идет и зарубежное законодательство.

УДК 343.2

И.И. Лапцевич

ЗАЧЕТ ВРЕМЕНИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ В СРОК НАКАЗАНИЯ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Лица, совершившие общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, не являются субъектами уголовной ответственности, а лица, заболевшие после совершения преступления психическими расстройствами (заболеваниями), не подвергаются наказанию. Такие лица в силу болезненного состояния психики не могут правильно воспринимать характер возлагаемых на них ограничений и подвергаться их исправительному воздействию. Поэтому судом им могут быть назначены принудительные меры безопасности и лечения.

Вместе с тем лица, заболевшие психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, после совершения преступления (до постановления приговора; после постановления приговора, если лицо еще не направлено для отбывания наказания; во время отбывания наказания) являются субъектами уголовной ответственности. Только лица, относящиеся к указанной категории, и только в случае их выздоровления и, соответственно, прекращения судом применения в отношении них принудительных мер безопасности и лечения могут быть привлечены к уголовной ответственности или уже назначенное наказание может быть приведено в исполнение (ст. 104 УК). В такой ситуации обязательно исследованию подлежат вопросы: не истекли ли сроки давности привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 83 УК), исполнения обвинительного приговора (ст. 84 УК)? нет ли иных оснований для освобождения лица от уголовной ответственности и наказания (ст. 87, 92, 95, 96 УК)?

Время, в течение которого лицо находилось на принудительном лечении, засчитывается в срок назначенного судом наказания. При этом один день принудительных мер безопасности и лечения соответствует одному дню лишения свободы (ст. 105 УК). Если лицо осуждается к наказанию, не связанному с лишением свободы, расчет производится в соответствии с положениями ст. 74 УК (например, один день принудительных мер безопасности и лечения соответствует одному дню ареста, двум дням ограничения свободы, трем дням исправительных работ или ограничения по военной службе, 24 часам общественных работ).

Уголовный закон устанавливает общее требование о зачете времени применения принудительных мер безопасности и лечения в срок наказания, не дифференцируя его в зависимости от вида применяемых к лицу мер. Однако в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» разъясняется, что «время нахождения лица в психиатрическом стационаре, независимо от того, применялась ли к нему мера пресечения в виде заключения под стражу, подлежит зачету в срок отбывания наказания». Аналогичное разъяснение содержится и в «Научно-практическом комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь» (Минск, 2010 г.).

В сравнение с отечественным УК в УК Российской Федерации закреплено, что «в случае излечения лица, у которого психическое расстройство наступило после совершения преступления, при назначении наказания или возобновлении его исполнения время, в течение которого к лицу применялось принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, засчитывается в срок наказания из расчета один день пребывания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, за один день лишения свободы» (ст. 103).

Такой подход вызвал дискуссию среди российских ученых. Изучая данный вопрос, Г.В. Назаренко отмечал: «Отдельные авторы полагают, что при таком подходе законодатель необоснованно отождествляет наказание (меру, применяемую в отношении преступников) и принудительное лечение (меру, применяемую в отношении психически больных). Более того, по мнению Н.А. Ныркова, зачет времени принудительного лечения в срок отбытого наказания ставит под сомнение такие уголовно-правовые принципы, как законность и справедливость. Однако эти суждения представляются излишне категоричными, поскольку законодатель не отождествляет наказание и принудительное лечение, а устанавливает принцип пропорциональности их сроков. Формулируя норму о зачете времени принудительного лечения в срок наказания, законодатель учитывает, что применявшиеся меры, как и наказание, имеют принудительный характер, а пребывание в психиатрическом стационаре существенно ограничивает правовой статус лица и фактически лишает его свободы, так как осуществляется в